

Минеева Инна Николаевна

ДЖ. ДЖОЙС И ЭМИГРАНТОЛОГИЯ З. ЗИНКА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье впервые представлены наблюдения над проблемой рецепции ирландского писателя Дж. Джойса в творчестве российско-британского прозаика и эссеиста З. Зинка. Для советского эмигранта наследие и опыт Дж. Джойса как "перемещенного лица" - основа в создании автобиографического мифа, ключ к расшифровке тайных и явных аспектов чужой культуры и собственного раздвоенного мироощущения, один из источников новой уникальной философии эмиграции и художественного метода. В произведениях ирландского классика З. Зинку интересны не столько сюжетные линии, сколько антропологические и социальные категории - прошлое и настоящее, перемещение, идентификация и т.д. Некоторые высказывания Дж. Джойса стали для него символическим выражением разнообразных ощущений, которые он испытал на чужбине.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 1. С. 39-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье впервые представлены наблюдения над проблемой рецепции ирландского писателя Дж. Джойса в творчестве российско-британского прозаика и эссеиста З. Зиника. Для советского эмигранта наследие и опыт Дж. Джойса как «перемещенного лица» – основа в создании автобиографического мифа, ключ к расшифровке тайных и явных аспектов чужой культуры и собственного раздвоенного мироощущения, один из источников новой уникальной философии эмиграции и художественного метода. В произведениях ирландского классика З. Зиника интересны не столько сюжетные линии, сколько антропологические и социальные категории – прошлое и настоящее, перемещение, идентификация и т.д. Некоторые высказывания Дж. Джойса стали для него символическим выражением разнообразных ощущений, которые он испытал на чужбине.

Ключевые слова и фразы: литература русского зарубежья; компаративистика; эмигрантология; идентификация; З. Зиник; Дж. Джойс.

Минеева Инна Николаевна, к. филол. н., доцент
Петрозаводский государственный университет
InnaV2003@yandex.ru

ДЖ. ДЖОЙС И ЭМИГРАНТОЛОГИЯ З. ЗИНИКА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В XX-XXI веках в отечественной и зарубежной компаративистике наблюдается значительный рост исследований, посвященных вопросам рецепции творчества ирландского писателя, классика модернизма Дж. Джойса в Америке, Великобритании, Германии, Испании, России, Франции. Экспериментально-новаторское наследие англоязычного мастера оказало существенное воздействие на прозаиков и поэтов разных литературных направлений. В работах последних десятилетий не раз отмечались сходства в художественном мышлении, мотивном комплексе, технике «потока сознания», стилистических приемах Дж. Джойса и В. Вулф, Л. Даррелла, В. Б. Ибаньеса, В. Кафки, В. Кёппена, Т. Манна, Ш. О'Кейси, Дж. Дос Пассоса, Э. Паунд, М. Пруста, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя, А. Белого, В. Набокова, А. М. Ремизова, А. Чехова, М. А. Шишкина и др. [1; 7; 9; 11; 12; 13; 14].

В рамках заявленного историко-культурного контекста одной из малоизученных страниц является творчество российско-британского писателя, теоретика и историка эмиграции З. Зиника. В отечественных и европейских штудиях основное внимание литературных критиков и ученых сосредоточено главным образом на своеобразии авторской интерпретации понятий: эмигрант как тип человека, эмиграция, эмигрантская литература в советских и постсоветских социокультурных условиях [8; 10], особенностях осмысления артефактов советской культуры и повседневности [2], проблемах генезиса прозы [6] и специфике нарратологических стратегий [15].

Между тем открытыми остаются вопросы: почему, эмигрировав в 1975 году из Советской России сначала в Израиль, затем в Великобританию, З. Зиник стал часто апеллировать в своих романах, эссе, письмах, интервью к биографическим фактам и произведениям Дж. Джойса, каким образом подобная стратегия повлияла на формирование его эмигрантского сознания и художественного метода. Прежде чем ответить на них, сделаем краткий историко-культурный экскурс.

Идея эмиграции зародилась в сознании З. Зиника еще в отрочестве с обнаружения фальши и лживости в советском варианте и разрыва всех связей с официальной страной [8]. В эссе «Второе гражданство» автор так говорит об этом: «Мы... считали нашу Москву некой иностранной державой в советском мире, где я считал себя иностранцем-антисоветчиком... Жизнь вне советских границ существует. Мир вне советских границ – некая кинопроекция нашей внутренней эмиграции. Ощущение присутствия иного мира» [3, с. 14-15]. «Внешнюю» границу писатель переступил в тридцатилетнем возрасте и первоначально воспринимал свой отъезд неоднозначно. Эмиграция оказалась для него одновременно реальностью и фикцией, отчетливым миражом, жизнью и символическим самоубийством, радостью адаптации к иному культурному пространству и абсурдом, доходящим до болезни, творческим актом и психологической «ловушкой» [8].

С целью преодолеть раздвоенность З. Зиник прибегает к изучению опыта «хрестоматийных беглецов» – Дж. Джойса, Л. Даррелла, М. Галлант, В. Набокова и др. Их эмигрантский опыт стал для него попыткой приближения к себе «Другому». Согласно позиции писателя, «все эмигранты на свете каким-то образом связаны: это своего рода семейные (несчастливые по-своему) узы» [4, с. 115]. «Единственный доступный мне путь познания, – пишет он в эссе “Иерусалимский квартет”, – был и остается подражанием. Лишь через имитацию чужого жеста, слившись с ним, я могу понять его смысл. Мне надо войти в шкуру другого человека, чтобы увидеть свое собственное место в жизни» [3, с. 446].

Одной из самых значимых в практике З. Зиника является фигура Дж. Джойса. Для писателя наследие ирландского модерниста – культурный знак и ориентир в конструировании собственной эмигрантской идентичности. Оказавшись по ту сторону государственной, географической, лингвистической границы, З. Зиник осознанно прибегает к зафиксированному в письмах и романах опыту англоязычного прозаика как «патриарха литературной эмиграции» и «собрата» по «изгойской судьбе» [4, с. 6]. Будучи за границей, З. Зиник начинает проживать опыт Дж. Джойса и его героев с целью обрести «точки опоры», от которых можно оттолкнуться в создании автобиографического мифа. Новообращенный эмигрант воспринимает некоторые факты биографии англоязычного писателя в качестве модели поведения. При этом он избирательно осваивает джойсовскую практику. З. Зиника интересуют не столько сюжеты романов, рассказов, пьес ирландского классика, сколько отраженные в них артефакты философского и антропологического свойства – что такое

прошлое и настоящее, как «узнавать» собственное происхождение, трансформируются ли в другой «системе отсчета» свойства памяти «перемещенного лица», каким образом формируется и изменяется идентификация, что такое «личная» и «общая» история и пр. В опыте Дж. Джойса писателю было ценно то, что волновало, мучило его на тот момент, в чем он долгое время не мог разобраться. Конструируя шаг за шагом персональную историю «перемещенного лица», писатель действует по принципу «маятника» – от «себя» к Дж. Джойсу и наоборот. Проиллюстрируем заявленный тезис несколькими примерами и прокомментируем их.

Дублин и 16 июня как «горячие» маркеры самоидентификации

Согласно позиции З. Зиника, столица Ирландии Дублин – уникальное место. Именно она задает новый взгляд на свою идентичность как человека, «лишенного прописки», живущего в состоянии «промежуточности», в «двух мирах сразу» [Там же, с. 131]. В Дублине сходятся «воедино слишком много “нервных точек” темперамента изгнанников» [Там же]. Идея изгнанничества актуализируется в пространстве города путем сближения «далековатостей», установления разного рода соответствий между реалиями жизни своей, других «собратьев по изгойской судьбе» и главного героя «Улисса» Дж. Джойса Леопольда Блума. В эссе «Драгоманы нашего времени» З. Зиник пишет: *«Мне случилось встретиться с Энтони Бёрджессом в Дублине десять лет назад, 16 июня 1991 года, в Блумов день... Бёрджесс навещал Дублин, как мусульманин Мекку, чтобы поклониться своему кумиру... Джеймсу Джойсу... Я же воспользовался собственным эмигрантским стажом лондонца... чтобы отпраздновать Блумов день, поскольку эта дата – 16 июня, время действия романа “Улисс”, совпадает с моим днем рождения... Всех таких, вроде нас, тянет в нервные центры изгнанничества, вроде Дублина»* [Там же].

Идентификация писателя с ирландской столицей обусловлена не физическим проживанием на ее территории, а более глубинными связями. Ощущение сопричастности миру избранных, образу их жизни рождается у советского эмигранта за счет установления символических ментальных связей. Значимыми для автора становятся два «горячих» маркера – это дублинский «темперамент», а также совпадение даты собственного рождения и времени действия в романе «Улисс». Отмеченные факторы способствуют закреплению и усилению его идентификационного статуса как «перемещенного лица» и построению особых взаимоотношений с городским джойсовским пространством.

Пьеса Дж. Джойса «Изгнанники» как метафора свободы и собственного жизненного сценария

В одном из интервью, рассуждая о том, что есть «история» – «моя» (индивидуальная) и «наша» (коллективная = официальная) – для «отдельно взятого человека» и как «распознать» ее, З. Зиник подмечает: *«Есть замечательная цитата из Джеймса Джойса, по-моему, из пьесы “Эмигранты”. Там друг говорит герою: “Наша история важнее твоей личной жизни, твоих личных проблем”. На что герой отвечает: “Это не моя история – это история людей, которые хотят мне ее навязать”. Так вот, чтобы понять эту мысль, на самом деле надо отделиться от подобного фиктивного прошлого. Эмиграция в этом смысле позволяет взглянуть на себя со стороны»* [5].

В приведенной цитате З. Зиник посредством отсылки к тексту Дж. Джойса (в русской версии перевод названия *Exiles* «Изгнанники». – И. М.) проводит глубокий анализ границ персонального и коллективного пространств личности и их свойств. Для советского эмигранта понятие «наша» история ассоциативно связано с внешним принуждением, идолопоклонством, угрозой на право экзистенциальной автономии, идеологическими, социальными, ментальными оковами, которые накладывает власть, «моя» же история – с полной свободой, развитием своей жизни, самовыражением. Подобное состояние писатель испытал в несветском, другом культурном пространстве. В этом смысле эмиграция как абстрагирование от «нашей» истории стала для него неким успокоением, а пьеса Джойса – метафорическим выражением такого ощущения.

«Двойное зрение» как источник новой жизни: театр Дж. Джойса в Цюрихе – театр З. Зиника в Иерусалиме

В первый год эмиграции у З. Зиника зародилась идея создать «тайное литературное общество посвященных» как один из альтернативных способов выживания и обретения в ином культурном пространстве новой системы онтологических и аксиологических координат. Нечто подобное когда-то пытался сделать перед смертью Дж. Джойс в Цюрихе. В эссе «Самый свой не из своих домов» З. Зиник пишет: *«В этой двойной просветленности – и по отношению к ослепляющему израильскому настоящему и по отношению к московскому прошлому – была надежда на возникновение нового разговора. Казалось бы, мы могли создать еще одну мифологию, еще один культ литературного клана друзей – каким стал круг Джеймса Джойса в Цюрихе (ведь он, как и я со своим русским театром в Иерусалиме, пытался создать там любительский театр на английском языке)»* [4, с. 98].

В описанной автором практике интеграции в другой мир просматривается интуитивное стремление установить вертикальные и горизонтальные связи между различными культурными и индивидуальными хронотопами – «я» Джойса и «я» З. Зиника, театр на английском языке в Цюрихе и театр на русском языке в Иерусалиме. Их столкновение и перетекание друг в друга порождают самобытные формы бытия, смыслы и возможности. Одновременное симметричное и асимметричное осознание и проживание З. Зиником как личного прошлого и настоящего, так и прошлого Джойса стало для него основой преодоления пограничного состояния, разрушающей чужеродности, источником обретения целостности. Отношения Дж. Джойса со своим кругом общения напомнили ему собственные.

Дж. Джойс как классик жанра и мерило новизны

Не без влияния «патриарха литературной эмиграции» З. Зиник определяется в своей главной литературной теме и художественных стратегиях претворения неизведанного дотоле опыта «внешней» эмиграции, приемах воссоздания быта и бытия «перемещенного лица». Так, осмысляя природу ностальгии ирландского

классика по родному Дублину, как она описана в его произведениях, и в то же время сам одновременно испытывая ее по отношению к далекой Москве, З. Зиник открывает для себя некоторые универсальные сущности, а именно познает законы времени и памяти. Дж. Джойс ассоциируется в авторском сознании одновременно и с «классикой» жанра, и с мерилем новизны. Приведем фрагмент из эссе «Эмиграция как литературный прием»: «*“Чтобы написать настоящую книгу о своей собственной стране, нужно прежде всего из нее уехать”*, сказал Жан Жак Руссо. Этот афоризм французского мыслителя я вычитал из писем Джеймса Джойса: он вооружился этой фразой, покидая Дублин. Я же читал письма Джойса по-английски, уехав из Москвы и оказавшись на холмах Иерусалима. Бродя по Иерусалиму и думая о далекой Москве, я понял, что ностальгия по родному Дублину и сделала один дублинский день в “Улиссе” Джойса таким монументальным и одновременно крайне подробным. Законы памяти обратны законам перспективы: чем дальше в прошлое, тем крупнее кажутся детали» [Там же, с. 6].

Размышляя о последствиях перемещения, З. Зиник наметил основные векторы развития личной эмигрантологии. С особой глубиной они трансформируются в его израильских повести «Извещение» (1975) и романе «Перемещенное лицо» (1977). Каждый текст представляет собой проекцию авторской рефлексии и рецепцию эмигрантских будней. На страницах данных произведений имена классика ирландской литературы и его героев практически не упоминаются, типологические связи / переклички внешне не демонстрируются, но влияние идей и поэтики Джойса, то, как их осмыслил, развил и трансформировал эмигрант из СССР, просматриваются. Прокомментируем процитированное выше высказывание писателя, параллельно апеллируя к его роману «Перемещенное лицо», с целью показать художественное развитие того, о чем в лаконичной форме было заявлено в эссе.

З. Зиник говорит о желании, как некогда и Джойс, «написать настоящую книгу о своей собственной стране». Оказавшись в другой культурной ситуации, он находится в поиске этой «страны». В романе «Перемещенное лицо» основная тема – ностальгия по родине и «поиск прошлого, где тебя никогда не было», стремление главного героя Четвергана переписать свое прошлое. В процессе переписывания рождаются образы и картины «настоящей», с точки зрения автора, «страны», где сосуществуют в советском хаосе две державы – официальная и «потаенная» (неидеологическая). Именно к последней принадлежит герой.

Переживаемое чувство ностальгии по покинутому Дому, о котором так трепетно пишет в эссе З. Зиник, стало для него, как и для эмигранта Джойса, неотъемлемым атрибутом. С точки зрения писателя, ностальгия влечет изменения свойств памяти и мнемонических механизмов. Она становится линзой прошлого, сквозь которую увеличивается и делается более понятным смысл каждого события, предмета из прежней жизни эмигранта. Этические и социальные последствия ностальгии, согласно развиваемой З. Зиником джойсовской идеи, неоднозначны и разнообразны. Ностальгия, с одной стороны, способствовала утверждению самоидентичности писателя и его *alter ego* главного героя, с другой – одновременно укрепляла и разрушала связь с московским этапом его жизни. Испытываемая в Израиле ностальгия не примирила прошлое с настоящим, напротив, усугубила внутренний разлад между «я» З. Зиника – прошлым и настоящим. Так, главный персонаж романа «Перемещенное лицо» постоянно душевно недомогает. Его поведение напоминает «отрефлексированную раздвоенность» между Москвой и Иерусалимом. «*Он переменил страну, но облучен черным солнцем Исхода, одержим прошлым как болезнью*» [8, с. 107]. Раздвоенность проявляется в восприятии им окружающих пейзажей, друзей, реалий из прошлой жизни. Ему все кажется призрачным, миражным, иллюзорным, как некогда и «там»: «*Подъехал к окну и с почти закрытыми глазами потянул на себя веревку жалюзи. Сейчас он откроет окно в Европу. Жалюзи поднялись со скрежетом танковых гусениц: свежего порыва ветра, ожидаемого по московской привычке, когда открываешь окно, не последовало. Пейзаж сиял желтизной, как запыленная глянцевая открытка, выцветшая на солнце*» [Там же, с. 108]. «*У него такой ум мнемониста: чтобы вспомнить нужное слово, ему нужно вспомнить тот дом, и то окно, и ту кофейную машину, так что каждое предложение у него это целый географический маршрут*» [Там же].

Перевод мнемонического закона «увеличения» в художественное пространство сопровождается у З. Зиника гипертрофированным вниманием к различным деталям жизни героя и глубокому психологическому анализу его внутренних метаморфоз, движения мыслей. Кроме того, обнаруживаются «общие места» в художественном методе З. Зиника и Дж. Джойса. Основными аналитическими средствами являются имплицитный сюжет, отказ от линейного повествования, запутанная фабула, прием потока сознания (логика расколотого сознания героя). Знаковую природу приобретают предметы, объекты, события. Повествование отличает ассоциативность, интертекстуальность. Вводятся элементы монтажа, абсурда, миметические атрибуты (ностальгия героя нагнетается до нарочитости).

Подведем итог. Для З. Зиника наследие Дж. Джойса стало неким канонem и призывом к действию, ключом к расшифровке и интерпретации тайных и явных аспектов чужой культуры и собственного раздвоенного мироощущения. Трансформируя опыт ирландского писателя в пространстве личной жизни и творчества, пытаюсь преодолеть порожденное «внешним» перемещением состояние «двойственности» и «хаоса», З. Зиник синхронно оглядывается на два эха – «свое» и Дж. Джойса – в осмыслении важнейших философских, антропологических, социальных категорий и воссоздании автобиографического мифа. Некоторые высказывания и произведения ирландского классика стали метафорическим выражением разнообразных состояний и ощущений, которые испытал советский эмигрант, находясь в другой стране в состоянии неопределенности – от ностальгии, символической экзистенциальной обнаженности до успокоения. Подобный диалог подтолкнул З. Зиника к созданию оригинального художественного метода и нового жанра «эмигрантского» романа, повести, эссе. Отрефлексированный в них опыт «перемещения» представляет собой уникальную интеллектуальную историю о феномене эмиграции как сюжете – приеме – абстрагировании – переходе, природе прошлого и настоящего, переписывании прошлого, «разорванной географии», «двойном зрении» и т.д.

Список источников

1. Аствацатуров А., Светикова Е. Ю. Петербург А. Белого и Улисс Дж. Джойса (опыт сопоставления) // Взаимосвязи и взаимовлияния русской и европейской литератур: материалы международной научной конференции / отв. ред. Л. В. Сидорченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 37-41.
2. Богданов К. А. Советская очередь: социология и фольклор [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/12.htm> (дата обращения: 19.04.2017).
3. Зиник З. Третий Иерусалим: роман, повести, эссе, письма. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 800 с.
4. Зиник З. Эмиграция как литературный прием. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 264 с.
5. Зиник З. Эмиграция как литературный прием [Электронный ресурс]: интервью. 20.03.2011. URL: <https://www.svoboda.org/a/2344073.html> (дата обращения: 23.04.2017).
6. Кукулин И. Фрагментация жизни: проза Павла Улитина и смена парадигмы автобиографического письма 1950-1970-х годов // AvtobiografiЯ. 2014. № 3. С. 129-169.
7. Макарова Л. Ю. «Невесты» в малой прозе А. П. Чехова и Д. Джойса // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3. С. 205-215.
8. Минеева И. Н. Литература русского зарубежья (XX – начало XXI в.). Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2012. 168 с.
9. Михальская Н. П. Джеймс Джойс (James Joyce, 1882-1941) // Михальская Н. П. История английской литературы. 2-е изд. М.: Академия, 2007. С. 321-335.
10. Поэты в Нью-Йорке. О городе, языке, диаспоре / сост. Я. Клоц. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 692 с.
11. Рогова Е. Н. Мотив каллиграфии в творчестве Дж. Джойса и М. Шишкина // Дергачевские чтения – 2014: русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2015. С. 338-342.
12. Сергиенко И. В. Владимир Набоков о поэтике Дж. Джойса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 2. С. 22-29.
13. Спицына Л. А. Джеймс Джойс и Висенте Бласко Ибаньес: проблема литературных связей: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2001. 22 с.
14. Турга Е. И. А. М. Ремизов и Дж. Джойс: к постановке вопроса // Мировая литература в контексте культуры. 2012. № 1 (7). С. 68-73.
15. Wakamiya L. R. Zinovy Zinik's Narratives of Cultural Dislocation // Slavonica. 2006. Vol. 12. № 1. P. 41-55.

J. JOYCE AND EMIGRANTOLOGY OF Z. ZINIK (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Mineeva Inna Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Petrozavodsk State University
 InnaV2003@yandex.ru

The article for the first time presents the observations on the reception problem of the Irish writer J. Joyce in the creative work of the Russian-British prose writer and essayist Z. Zinik. For the Soviet emigrant, the heritage and experience of J. Joyce as “a displaced person” is the basis for creating an autobiographical myth, the key to deciphering the secret and explicit aspects of foreign culture and his own bifurcated worldview, one of the sources of new unique philosophy of emigration and the artistic method. In the works of the Irish classic Z. Zinik not so much the plot lines, as the anthropological and social categories – the past and the present, displacement, identification, etc. – are interesting. Some statements of J. Joyce became for him symbolic expression of the various sensations that he experienced in a foreign land.

Key words and phrases: literature of Russian émigré community; comparative linguistics; emigrantology; identification; Z. Zinik; J. Joyce.

УДК 8; 398.21:82-34

Статья посвящена исследованию жанрового своеобразия татарских волшебных сказок. В работе рассмотрены генезис, эволюция жанра, исследованы композиция, система персонажей, сюжетный состав сказок. Как показал анализ, главные мотивы и образы татарской волшебной сказки сходны с международными сюжетами. Выявлены и особенности, отражающие ментальность, быт и нравы татарского народа. В репертуаре татарской волшебной сказки преобладают произведения о борьбе героя с мифическими существами.

Ключевые слова и фразы: татарская волшебная сказка; мифологические верования; сюжет; главный герой.

Миннуллин Ким Мугаллимович, д. филол. н., профессор
 Закирова Ильсеяр Гамиловна, д. филол. н., доцент
 Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
 Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.
 minullin.kim@yandex.ru; ilzakirova@mail.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТАТАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Татарские волшебные сказки – это объемные произведения с увлекательным сюжетом, возникшие на базе мифов и основанные на переплетенном с фантазией вымысле и чудесных событиях. Несмотря на сходство